

УДК 130.2: 7.038.6

Батаева Е. В.

ВИЗУАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

У статті надані результати аналізу візуальних концепцій доби Просвітництва. Візуалістика доби Просвітництва має децю прокламаційний характер; її основна ідея – «розвінчати» темряву та засліпленість віри. Досить високо можна розцінити візуальні дослідження Е. Кондільяка, у яких розвивається тема взаємозв'язку між дотиком та зором.

Ключові слова: *Просвітництво, марновірство, візуалістика, віра, наука, зір.*

В статье представлены результаты анализа визуальных концепций эпохи Просвещения. Визуалистика эпохи Просвещения носит несколько прокламационный характер; ее основная идея – «развенчать» темноту и слепоту веры. Достаточно высоко можно оценить визуальные исследования Э. Кондильяка, в которых развивается тема взаимосвязи между осязанием и зрением.

Ключевые слова: *Просвещение, суеверие, визуалистика, вера, наука, зрение.*

The paper presents analysis results for visual concepts of the Enlightenment Age. Visualistics of this epoch has proclamation character, its main idea is to dethrone darkness and blindness of faith. It is possible to highly estimate visual studies of E. de Condillac who has developed the topic of touch and vision relationship.

The keywords: *Enlightenment, superstition, visualistics, faith, science, vision.*

Постановка проблеми. Можно заметить своеобразный парадокс в том, что эпоха Просвещения (единственная историко-культурная эпоха, название которой содержит визуально-световую коннотацию) менее всего уделила внимания проблеме зрения и видения (исключение составляют лишь труды Э. Кондильяка). Визуальные штудии французских просветителей отчасти дублируют зрительные концепции нововременных философов (Р. Декарта, Д. Беркли, Ф. Бэкона), отчасти же нацелены на демонстрацию слепоты христианской веры, в чем проявляется негативистски-критическая (несозидательная) формула просвещенческой визуалистики. Как и философы эпохи Нового Времени, французские мыслители стремились отождествить практику просветительства не с христианским миссионерством, а с рационалистической борьбой с невежеством, с намерением «пользоваться собственным разумом» (и именно в этом видел суть Просвещения И. Кант).

Степень разработанности проблемы. Насколько нам известно, визуалистике эпохи Просвещения до сих пор не было посвящено ни одного специального исследования.

Целью статьи является осуществление обзора и аналитики основных положений просвещенческой визуалистики, представленной в трудах Вольтера (Ф. М. Аруэ, 1694–1778), Дени Дидро (1713–1784), Поля Анри Гольбаха (1723–1789), Шарля Луи Монтескье (1689–1755), Этьена Бонно де Кондильяка (1715–1780) и Жюльена Офре де Ламетри (1709–1751).

Изложение основного материала. Практически в каждой работе французских философов XVIII века можно встретить формулировку просветительских целей философии, которая должна «выйти в народ» и направить его к свету Разума; которая «должна иметь целью или расширить границы освещенных мест, или приумножить средоточия света» [6, с. 340]. Деятельно-активные установки просветителей проявились в их намерении преобразовать философию из чисто рационально-мыслительного проекта в опытно-экспериментальное предприятие [6, с. 338], реализующее задачи образования масс. По мнению французских философов, просвещенность следует рассматривать как синоним свободы от суеверий («людские страхи рассеиваются по мере роста просвещения. Просвещенный человек перестает быть суеверным» [5, с. 375]); как способность опытно-чувственно постигать природу [5, с. 62], как стремление развивать свой разум, как намерение пребывать в земном плане бытия и не «гоняться за призраками» потусторонней жизни. Напротив, непросвещенный человек, по мнению П. А. Гольбаха, это тот, кто «пренебрег реальностью, чтобы размышлять над призраками, презрел опыт, чтобы упиваться умозрительными системами и гипотезами. Он не осмелился просвещать свой разум, против которого его настроили с ранних лет, и, вместо того чтобы помышлять о счастье на земле, всеми силами стремился узнать, какой будет его судьба в воображаемой загробной жизни. Одним словом, человек отвернулся от изучения природы и предпочел погоню за призраками, которые подобно блуждающим огням, встречающимся ночью путнику, устроили его, ослепили и заставили покинуть ту простую дорогу истины, свернув с которой он не сможет достигнуть счастья» [5, с. 55]. В то же самое время некоторые просветители (к примеру, Дени Дидро) осознавали утопичность своей затеи, указывая на отсутствие согласия со стороны «просвещаемых» на то, чтобы их «просвещали»: «Я нисколько не браню вас за то, что вы стараетесь просветить людей; это самая важная услуга, которую им можно было бы оказать, но которая, однако, никогда не будет им оказана. Как остроумно выразился один из наших друзей, когда я однажды беседовал с ним под сенью этих деревьев, излагать истину некоторым людям – это все равно, что направить луч света в свиное гнездо. Свет только попортит совам глаза, и они поднимут крик. Если бы люди были невежественны только потому, что ничему не учились, то их, пожалуй, еще можно было бы просветить; но нет, в их ослеплении есть система. Арист, вы имеете дело с людьми не только ничего не знающими, но и не желающими ничего знать» [8, с. 202–203].

Описывая особенности просветительского проекта, французские философы, вслед за нововременным философом Ф. Бэконом, акцентируют важность опыта и эксперимента, который единственно может даровать интеллектуальные прозрения. Излюбленными визуально-световыми метафорами просветителей становятся словосочетания «факел опыта» [13], «посох опыта для слепых» [1, с. 251; 13], усиливающие метафору «светоча философии» [3, с. 116]. Если же свет от «факела опыта» оказывается недостаточно сильным, если он не проникает в потаенные планы человеческого существования, – следует остановиться, ограничить свои познавательные претензии и не исследовать то, по поводу чего однозначные выводы

невозможны: «Дальше я в эти дебри забираться не стану; я останавливаюсь там, где мне уже не хватает света моего разума; с меня довольно и того, что я вижу, как далеко я могу зайти» [1, с. 258].

В работах Э. Кондильяка «Трактат об ощущениях» и «Логика, или Начала искусства мыслить» можно обнаружить развитие визуальных идей нововременного философа Д. Беркли, установившего взаимосвязь между двумя формами восприятия – зрением и осязанием. Однако Э. Кондильяк, усилив тезис Д. Беркли, сделал о вывод о приоритетности именно осязания как «единственного ощущения, которое само по себе судит о внешних предметах» [12, с. 247]. «Зрение обогащается за счет осязания, ибо оно действует или вместе с осязанием, или получив уроки от него, благодаря чему зрительные ощущения смешиваются с идеями, которыми зрение обязано осязанию» [12, с. 316]. Само зрение рассматривается как эффект давления на поверхность глаза определенных материальных частиц (корпускул), то есть как плод осязания: «Так как различные направления движения, вызывающие прозябание, являются единственной физической и окказиональной причиной чувствительности, из этого следует, что мы чувствуем лишь постольку, поскольку наши органы к чему-то прикасаются или к ним что-то прикасается; и лишь благодаря контакту предметы, воздействуя на органы, сообщают движению, вызывающему прозябание, побуждения, которые делают их чувствительными. Таким образом, обоняние, слух, зрение и вкус можно рассматривать как дальнейшее развитие осязания. Глаз совсем не будет видеть, если тела определенной формы не будут воздействовать на сетчатку посредством толчка» [11, с. 218–219]. По мнению Э. Кондильяка, зрительное восприятие, не подкрепленное осязанием, имеет ослабленное действие, поскольку может предоставить человеку искаженный образ вещи (к примеру, человеку, не осязающему расстояние, может показаться, что Солнце не превышает размеров кухонной тарелки).

В философии Э. Кондильяка проявились и некоторые картезианские установки. Как и Р. Декарт, Э. Кондильяк пытается сопоставить визуальные практики «панорамного обозрения» и «локального рассмотрения», связывая последнее с работой внимания: «Вот чему учит природа всех нас. Если она наделила нас способностью видеть множество вещей одновременно, она наделила нас также способностью рассматривать по отдельности, т. е. направлять наши глаза на одну какую-либо вещь; и именно этой способности, являющейся следствием нашей организации, мы обязаны всеми знаниями, которые мы получаем благодаря зрению» [11, с. 192]. Как и Р. Декарт, Э. Кондильяк разрабатывает концепт «зрения ума» (или созерцания), который может «видеть больше, чем может видеть глаз» [11, с. 193], поскольку помогает сопоставить в уме несколько зрительных ситуаций, которые физический глаз просто не в состоянии охватить в едином пространственном фрейме. Зрение ума, по мнению Э. Кондильяка, обладает аналитической природой: настроить резкость умного видения можно лишь в том случае, если расчленишь рефлексивно созерцаемое на составные части и внимательно рассмотреть каждую из них: «Так же обстоит дело и со зрением ума. Я одновременно имею в наличии множество знаний, которые стали для меня привычными, я вижу их все, но я не различаю их одинаково.

Чтобы видеть отчетливо все то, что одновременно встречается в моем уме, нужно, чтобы я это расчленил, как я расчленил то, что встретилось моим глазам; нужно, чтобы я анализировал свою мысль» [11, с. 194–195].

В «Трактате об ощущениях» Э. Кондильяк различает практики видения и смотрения (эта проблема позже заинтересует английского мыслителя Р. Дж. Коллингвуда). Если слово «видеть» обозначает, согласно Э. Кондильяку, естественную способность человека, обладающего глазами и зрительными навыками (достаточно открыть глаза, чтобы увидеть окружающий нас мир), то слово «смотреть» обозначает аналитические зрительные умения – умения «сосредоточивать взгляд» на конкретных предметах, умение рассматривать их и расчленять на составные части. «Чтобы смотреть, глаза должны уметь устремляться, направляться на один из предметов, которые они видят» [12, с. 301]. Если «видение» нам дано, то «смотрению» необходимо учиться: «Статую не нужно учиться видеть, но нужно учиться смотреть» [12, с. 299].

Значительное место в просвещенческой визуалистике занимает критика христианской религии и церкви как не только не просвещающих, не озаряющих и не просветляющих души верующих, но, напротив, ослепляющих и лишаящих человека правильного видения реальности. Дени Дидро в «Прогулке скептика, или Аллеях» использует метафору «повязки на глазах» у верующих, которая становится условием веры в Бога, поскольку, по его мнению, прежде чем принять веру, человек должен предварительно отказаться от намерения «постигать мир собственным разумом» и пресечь всякие попытки рассматривания и опытного постижения жизни. «Ты бредешь, натываясь на колючие тернии, по незнакомой дороге. Ты не имеешь почти никакого представления о том, что ты ищешь; и вместо того чтобы исследовать свой путь, ты поставил себе законом идти вслепую, с глазами, закрытыми повязкой» [8, с. 238]. По мнению Дидро, верующий оскопляет свой взор, закрывая его от света разума повязкой самоизоляции; верующие – это «слепцы», бредущие по «аллее терний» и заботящиеся лишь о чистоте своего платья и о сохранении своих глаз от восприятия действительности.

Подобным образом и П. Гольбах в «Системе природы», рассуждая о религии, использует метафоры «темноты», «туманности», «мрачности», «призрачности», призывая человека отбросить «религиозные заблуждения»: «Если мы хотим составить себе ясное представление о нашей душе, подвергнем ее опыту, откажемся от своих предрассудков, отбросим все догадки теологов, разорвем священные покрывала, предназначенные для того, чтобы затуманить наш взор и помрачить наш разум» [5, с. 138]. Аналогично Ш.-Л. Монтескье, сравнивая различные исторические религии, говорит об обнаруживаемых в них «различных степенях мрака» и призывает выбрать из них те, которые наименее мрачны и темны и могут «соответствовать целям общественного блага» [14, с. 530–531].

Рассеивая «туманности» религии, П. Гольбах призывает перейти к восприятию человека «под правильным углом зрения» – как «целиком подчиненного законам физики» [5, с. 259], как абсолютно зависимого от законов природной необходимости, как действующего по правилам механики (наподобие механических часов, лишенных

возможности действовать свободно и самопроизвольно): «Все наши поступки подчинены фатальной необходимости, управляющей как нашей частной системой, так и совокупной системой вселенной. В нас, как и в природе, ничто не происходит *случайно*, ибо случай, как мы это доказали, представляет собой лишенное смысла слово. Все, что происходит в нас или осуществляется нами, равно как и все, что происходит в природе или что мы ей приписываем, зависит от необходимых причин, которые действуют по необходимым законам и производят необходимые следствия, порождающие другие следствия» [5, с. 236].

Несколько особняком от общего атеистического тренда эпохи Просвещения стоит Вольтер, который, хотя и позволял себе резкие выпады по отношению к историческим формам христианства, все же не отрицал существования Бога, подчеркивая, что Его можно увидеть, созерцая грандиозное строение Вселенной (увидеть Его «следы» на земле). Так, в «Назидательных проповедях» Вольтер пишет, что «круговращение звезд и вся природа доказывают существование их Творца» [2, с. 375]; а в «Философском словаре» в статье «Религия» он описывает собственный опыт созерцания Божества: «Нынче ночью я размышлял; я был погружен в созерцание природы; я восхищался необъятностью бесчисленных миров, их путями и связями – тем восхищением, что незнакомо толпе. Еще больше я восхищался интеллектом, руководящим сим громадным механизмом. Я говорил себе: „Надо быть уже слепым, чтобы не ослепнуть от этого зрелища; надо быть полным тупицей, чтобы не усмотреть здесь Творца; и надо быть глупцом, чтобы пред Ним не склониться”» [4, с. 691].

Выводы. Визуалистика эпохи Просвещения носит несколько прокламационный характер; ее основной «нерв» – стремление «развенчать» темноту и слепоту веры, а также доказать просветленность разума. Достаточно высоко можно оценить визуальные исследования Э. Кондильяка, в которых развивается тема взаимосвязи между осязанием и зрением. Акцентация первостепенной важности осязания, управляющего зрением, которую можно встретить в работах Э. Кондильяка, несколько напоминает аналогичные установки античного философа Плотина, провозгласившего высшую ценность акта прикосновения к Первоединому (прикосновения как модуса осязания), превосходящего по значимости событие видения Божества.

Литература

1. *Вольтер*. Метафизический трактат / Вольтер // Философские сочинения / Вольтер; [пер. с фран. С. Я. Шейнман-Топштейн]. – М.: Наука, 1988. – С. 227–274.
2. *Вольтер*. Назидательные проповеди, прочитанные в приватном собрании в Лондоне в 1765 году / Вольтер / Философские сочинения / Вольтер; [пер. с фран. С. Я. Шейнман-Топштейн]. – М.: Наука, 1988. – С. 374–400.
3. *Вольтер*. Философские письма / Вольтер / Философские сочинения / Вольтер; [пер. с фран. С. Я. Шейнман-Топштейн]. – М.: Наука, 1988. – С. 70–226.
4. *Вольтер*. Философский словарь / Вольтер / Философские сочинения / Вольтер; [пер. с фран. С. Я. Шейнман-Топштейн]. – М.: Наука, 1988. – С. 620–716.
5. *Гольбах П.* Система природы, или О законах мира физического и мира духовного / Поль Анри Гольбах // Избранные произведения в 2-х т. / Поль Анри Гольбах. – Т. 1. – М.: Изд-во соц.-экон. лит.-ры, 1963. – 683 с.

6. *Дидро Д.* Мысли к истолкованию природы / Денни Дидро // Сочинения в 2-х т. / Денни Дидро. – Т. 1. – М. : Мысль, 1986. – С. 333–378.
7. *Дидро Д.* Письмо о слепых, предназначенное зрячим / Денни Дидро // Сочинения в 2-х т. / Денни Дидро. – Т. 1. – М. : Мысль, 1986. – С. 275–321.
8. *Дидро Д.* Прогулка скептика, или Аллеи / Денни Дидро // Сочинения в 2-х т. / Денни Дидро. – Т. 1. – М. : Мысль, 1986. – С. 199–265.
9. *Кант И.* Ответ на вопрос. Что такое просвещение. 1784 / Иммануил Кант // Сочинения в 6-ти т. / Иммануил Кант. – Т. 6. – М. : Мысль, 1966. – С. 25–36.
10. *Коллингвуд Р. Дж.* Принципы искусства [Электронный ресурс] / Р. Коллингвуд ; [пер. с англ. А. Г. Раскина под ред. Е. И. Стафьевой]. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 328 с. – Режим доступа : http://librussian.info/lib_page_93743.html
11. *Кондильяк Э.* Логика, или Начала искусства мыслить / Э. Кондильяк // Сочинения в 3-х т. / Э. Кондильяк ; [пер. с франц. И. Шерн-Борисовой и З. Манакиной]. – Т. 3. – М. : Мысль, 1983. – С. 183–270.
12. *Кондильяк Э.* Трактат об ощущениях / Э. Кондильяк // Сочинения в 3-х т. / Э. Кондильяк ; [пер. с франц. П. С. Юшкевича]. – Т. 2. – М. : Мысль, 1982. – С. 180–399.
13. *Ламетри Ж. О.* Человек-машина [Электронный ресурс] / Жюльен Офре Ламетри // Сочинения / Жюльен Офре Ламетри ; [пер. с франц. Э. А. Гроссмана и В. Левицкого]. – М. : Мысль, 1983. – С. 169–226. – Режим доступа : <http://www.domknig.net/book-2822.html>
14. *Монтескье Ш.* О духе законов / Шарль Монтескье // Избранные произведения / Шарль Монтескье ; [пер. с франц.; общ. ред. и вступ. ст. М. П. Баскина; примеч. Р. С. Миндлинной]. – М. : Политиздат, 1955. – 799 с.